

П. А. Столыпин

1862—1911

Герои не должны умирать для истории и сознания своего народа. Память вечная должна храниться о них и с похвалами передаваться грядущим поколениям.

Петр Аркадьевич Столыпин родился в 1862 году в городе Дрездене. По окончании в 1885 году Санкт-Петербургского университета по естественному факультету он поступил на службу в Министерство земледелия, но через два года принял назначение на должность предводителя дворянства в Ковенском уезде, где у него было имение. В эту пору складывались его государственные взгляды, крепли его убеждения. В 1897 году П. А. назначается Ковенским губернским предводителем дворянства. Находясь все время в непосредственной близости от крестьян, П. А. в совершенстве постиг их нужды, и в его государственных идеалах почувствовалось биение подлинной жизни. Живя и работая в крае, в котором оказывалось влияние трех народностей — польской, литовской и еврейской, П. А. узнал их сильные и слабые стороны. Широко просвещенный и воспитанный в культурных русских традициях, он привык с уважением относиться к правам инородцев, но огонь национального самосознания разгорелся в нем ярким пламенем. В 1902 году Столыпин был назначен Гродненским губернатором, но уже в 1903 году переводится на ту же должность в Саратовскую губернию, где шло сильное революционное брожение. Во всеподданнейших отчетах Саратовского губернатора П. А. впервые выступает со своим проектом земельной реформы. Он умело и спокойно восстанавливает порядок в Саратовской губернии, и в 1905 году, после распуска первой Государственной думы, император Николай II, по своему личному почину, назначает его министром внутренних дел, а 8 июля того же года, сверх того, и Председателем Совета Министров. Служба Столыпина в этих должностях протекала в тяжелых условиях. Волна террористических актов заливалась Россию. 12 августа 1906 года на даче, занимаемой министром на Аптекарском Острове, близ Санкт-Петербурга, была брошена бомба. П. А. остался невредим, но были ранены его дочь и сын. Производившие раскопки нижние чины ближайших полков обнаружили под развалинами дома 27 трупов и 32 раненых с разными тяжкими повреждениями.

Столыпин мужественно продолжал стоять на своем посту.

Уже за первые пять с половиною месяцев своего пребывания у власти П. А. достиг в деле успокоения страны заметных результатов. Одновременно подготавлялся ряд важных законопроектов, подлежащих рассмотрению Законодательных палат. Самые спешные меры были проведены на основании ст. 87 Основных законов. К таковым высочайший рескриптом от 1 января 1907 года относит: предоставление нуждающимся крестьянам свободных казенных земель в Российской России, а также удельных и кабинета его величества; разрешение продажи крестьянам участков из состава имений заповедных, майоратных, ленных и подуховых; понижение платежей по ссудам крестьянского банка; облегчение выхода отдельных крестьян из общины; открытие для лиц сельского состояния нового вида кредита под залог надельных земель в крестьянском банке; уравнение крестьян в правах с прочими сословиями. В открывшейся 6-го марта 1907 года Государственной думе второго созыва П. А. произнес правительственную декларацию, в которой, перечисляя

законопроекты, изложил задуманный им план обновления государства. Ответные речи членов Думы заставили его выступить вторично. Эта вторая речь была отповедью на все раздавшиеся огульно нарекания и хулы против власти. П. А. говорил: «Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна совместная работа, найти тот язык, который был бы всем одинаково понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы. Я им пользоваться не буду», — и далее: «Надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы и царской резиденции волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в южном промышленном районе, когда распространились крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целости русского народа, или действовать и отстоять то, что ей было вверено. Но, принимая второе решение, правительство роковым образом навлекало на себя и обвинения. Ударяя по революции, правительство, несомненно, не могло не задеть частных интересов. В то время правительство задалось одной целью — сохранить те заветы, те устои, начала которых были положены в основу реформ императора Николая II. Борясь исключительными средствами, в исключительное время, правительство вело и привело страну во вторую Думу. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут, волею монарха, нет ни судей, ни обвиняемых, что эти скамьи, — показывает на места министров, — не скамьи подсудимых — это места правительства». П. А. кончает словами: «Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачены, пусть они будут судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление; эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти, паралич воли и мысли. Все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «Руки вверх». На эти слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты, может ответить только двумя словами: «Не запугаете».

Сила произнесенной речи всколыхнула как парламентские круги, так и общество; и, точно в ответ на это, оппозиция прибегла к другому способу борьбы: злоупотреблению правом запросов.

Оппозиция потребовала также прекращения действия военно-полевых судов. По этому вопросу П. А. давал Думе разъяснения 13-го марта 1907 года. Он подчеркнул в своих словах, что «кровавый бред не пошел еще на убыль» и что с ним бороться необходимо мерами чрезвычайными. Он заявил, что суровый закон будет применяться лишь в крайних случаях. 20-го марта он возражал на необоснованные обвинения члена Думы Кутлера относительно государственной росписи доходов и расходов. Наконец, 1-го июня 1907 года он прочел в Думе заявление о возбуждении уголовного преследования против 55 депутатов социал-демократической фракции в связи с обнаружением заговора, имевшего целью покушения на государя, на великого князя Николая Николаевича и на Председателя Совета Министров. Дума отказалась отстранить вышеупомянутых 55 депутатов от заседаний и не согласилась на отдачу наиболее виновных под стражу, и манифестом 30-го июня 1907 года Государственная дума второго созыва была распущена. В этом же манифесте была охарактеризована деятельность второй Думы: «Выработанные правительством мероприятия Государственная дума или не подвергла вовсе рассмотрению, или замедляла обсуждение, или отвергала, не остановившись даже перед отклонением законов, каравших открытое восхваление преступлений и сугубо наказывавших сеятелей смуты в войсках; медлительное рассмотрение Государственной думой росписи государственной вызвало затруднение в своевременном удовлетворении многих насущных потребностей народных».

Далее упоминалось превращение Думою права запросов в способ борьбы с правительством и, наконец, о заговоре в среде самой Думы. Способ всеобщего привлечения к выборам в Государственную думу не дал ожидаемых результатов, и потому, тем же манифестом, России был дарован новый избирательный закон. Согласно этому закону Государственная дума должна была быть русскою по духу, и права других народностей законом ограничивались. В самых же некультурных окраинах государства выборы в Государственную думу были своевременно приостановлены.

Этот закон привел Россию в третью Государственную думу.

1-го ноября 1907 года была открыта Государственная дума третьего созыва, а 16-го ноября Столыпин изложил в ней правительственную декларацию. Сравнительно с двумя предшествовавшими Думами, картина резко изменилась. Образовалось из центра и правой большинство, на которое правительство могло опереться. Отвечая на нападки оппозиции в этой Думе, П. А. говорил: «Правительство наряду с подавлением революции задалось задачей поднять население до возможности на деле в действительности воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он остается рабом, и никакой писаный закон не даст ему блага гражданской свободы» — и далее объяснил, в чем заключаются намеченные реформы: «В развитии земщины, в развитии самоуправления, в сдаче ему части государственных обязанностей, государственного тягла и в создании на низах крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью. Вот наш идеал местного самоуправления, так же как наш идеал наверху — это развитие дарованного государем стран законодательного нового представительного строя, который должен придать новую силу и новый блеск царской верховной власти». Столыпин кончает призывом: «Дайте же ваш порыв, дайте вашу волю в сторону государственного строительства, не брезгуйте черной работой вместе с правительством. Я буду просить позволения не отвечать на другие слышанные тут попреки. Мне представляется, что, когда путник направляет свой путь по звездам, он не должен отвлекаться встречными, попутными огнями. Поэтому я старался изложить только сущность действий правительства и его намерений. Я думаю, что, превращая Думу в древний цирк, в зрелище для толпы, которая жаждет видеть борцов, ищащих, в свою очередь, соперников для того, чтобы доказать их ничтожество и бессилие, — я думаю, что я совершил бы ошибку. Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам. Это противовес беспочвенному социализму, это желание, это страстное желание и обновить, и возвеличить Родину, в противовес тем людям, которые хотят ее распада. Это, наконец, преданность, не на жизнь, а на смерть, царю, олицетворяющему Россию».

Вдохновенное слово Столыпина зажгло слушателей и приобщило их к высоким переживаниям человека, жертвуя собой, и закипела творческая работа.

Землеустройство крестьян

Мысли о разверстании общины и укреплении земли в качестве личной собственности, а также об устраниении чересполосицы и создании хуторских хозяйств созрела у Столыпина задолго до назначения его министром внутренних дел. Еще будучи Ковенским уездным предводителем дворянства и председателем местного съезда мировых посредников, Столыпин энергично пропагандирует среди литовцев-крестьян идею об отрубах и проводит эту

меру, достигая целого ряда, необходимых для начатия дела, крестьянских приговоров. В качестве Саратовского губернатора Столыпин пишет во всеподданнейшем отчете за 1904 год:

«Жажда земли, аграрные беспорядки сами по себе указывают на те меры, которые могут вывести крестьянское население из настоящего ненормального положения. Единственным противовесом общинному началу является единоличная собственность. Она же служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой поконится устойчивый порядок в государстве. В настоящее время более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих однообщественников,— по образному выражению,— мироеда. Вот единственный почти выход крестьянину из бедноты и темноты, видная, по сельским воззрениям, мужицкая карьера. Если бы дать возможность трудолюбивому землеробу получить сначала временно, в виде искуса, а затем закрепить за ним отдельный земельный участок, вырезанный из государственных земель или из земельного фонда Крестьянского банка, причем обеспечена была бы наличность воды и другие насущные условия культурного землепользования, то наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный, зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли. Такой тип уже родился в западных губерниях, и он особенно желателен теперь, когда нашему императорскому величеству стало благоугодно высушивать голос земли через Государственную думу».

Сделавшись министром внутренних дел, Столыпин вносит во вторую Государственную думу законопроект об укреплении за крестьянами, владеющими надельной землей, принадлежащей им части земли в личную собственность. Изданный во время междудумья указом от 9-го ноября 1906 года, при ближайшем участии Столыпина, закон вызвал оживленные прения в Думе, и 10-го мая 1907 года Петр Аркадьевич произнес речь в его защиту. Начав упоминанием о том, с каким нетерпением крестьяне-землевладельцы, да и все остальные слои государства ждут разрешения этого столь наболевшего вопроса, Петр Аркадьевич остановился в дальнейшем на проекте левых партий, т. е. на проекте национализации земель (за плату или бесплатно) и отдачи ее в пользование крестьянам. Он указал на то, что такая коренная ломка произвела бы социальную революцию и полное крушение всех правовых понятий. К тому же путем такой жертвы, путем подчинения интересов всех классов интересам одного, правда, многочисленного, класса крестьян, путем полного разорения культурного класса помещиков не удалось бы разрешить даже практическую сторону аграрного вопроса. О том свидетельствуют следующие цифры.

Если бы даже поголовно всю землю отдали крестьянам, то на каждый двор пришлось бы: в Вологодской губернии 147 десятин, в Олонецкой — 185, в четырнадцати центральных губерниях им не досталось бы даже и по 15, а в Полтавской губернии пришлось бы лишь по 9, в Подольской всего по 8 десятин. Прирост же населения в одной Европейской России равен 1 625 000 душ в год. Для удовлетворения землей одного этого прироста населения (считая по 10 десятин на один двор) потребно было бы ежегодно 3,5 миллиона десятин. Таких запасов земель, конечно, не имеется. Далее Петр Аркадьевич перешел к нравственным результатам: «Стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданин, а между ними всегда были и будут тунеядцы, будет знать, что он всегда имеет право заявить о желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда это занятие ему надоест, бросить ее и пойти опять бродить по белу свету. Все будет сравнено,— приравнять всех можно только к низшему уровню. Нельзя человека ленивого приравнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин-изобретатель самою силою будет лишен возможности приложить свои знания к земле. Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот, и человек даровитый, сильный, способный — силою восстановил бы свое право на собствен-

ность, на результат своих трудов... Ведь богатство народов создает и могущество страны. Путем же переделения всей земли государство, в своем целом, не приобретет ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены будут, конечно, культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль, и эта распыленная земля будет высыпать в города массы обнищавшего пролетариата».

Петр Аркадьевич заканчивает словами: «Я думаю, что Россия обновится, улучшит свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не пойдет, потому что где разложение, там смерть».

Переходя к разбору проекта партии народной свободы, П. А. говорил: «В этом проекте не все ясно. С одной стороны, проект осуждает национализацию земли, а с другой — признает неизменное право собственности лишь за крестьянами, к помещичьим же землям применяет начало количественного отчуждения».

Но раз признан принцип отчуждаемости для помещичьих земель, раз уж встали на этот путь, то вряд ли крестьяне поверят в то, что их земли со временем не будут тронуты. Ведь с ростом населения принцип количественной экспроприации неминуемо коснется и последних и приведет в конце концов к той же национализации земли. Поэтому проект левой партии более искренен и правдив».

Столыпин перешел к изложению мысли правительства: «Необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, т. е. соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть она будет наследственная». Для этого правительство находит нужным сделать учет малоземельных крестьян и выдавать им на льготных условиях из земельного запаса необходимые количества земли. Чтобы составить необходимый земельный фонд, государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли; к ним прибавились бы земли удельные и государственные. Ввиду того, что крестьянство сильно оскудело, государство взяло бы на себя разницу в проценте, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы по силам крестьянству. «Таким образом, заявил Петр Аркадьевич, вышло бы, что все государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей... Но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса в 130 000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы, что бы там не говорили, и очаги культуры. Этим именно путем правительство начало идти, понизив, временно проведенным по 87-й статье законом, проценты платежа Крестьянскому банку... При рассмотрении вопроса в его полноте, может быть, и в более ясном свете представился бы и пресловутый вопрос об обязательном отчуждении. Пора этот вопрос выдвинуть в его настоящие рамки, пора, господа, не видеть в этом волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед; средство это представляется смелым потому, что в разоренной России оно создаст еще класс разоренных вконец землевладельцев». Петр Аркадьевич закончил словами: «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия».

Государственная дума одобрила огромным большинством голосов указ 9-го ноября 1906 года, придав ему силу закона.

5-го декабря 1908 года Петр Аркадьевич выступил в Государственной думе и с последними на этот счет разъяснениями. Он защищал проведенное в закон начало личной собственности. Часть же Думы стояла за принцип собственности семейной. Этот принцип исказил бы весь смысл закона. П. А. заявил: «Нельзя с одной стороны исповедовать, что люди созрели для того, чтобы свободно, без опеки, располагать своими духовными силами, чтобы прилагать свободно свой труд к земле так, как они считают это лучшим, а с другой стороны признавать, что эти самые люди недостаточно надежны для того, чтобы без гнета сочленов своей семьи распоряжаться своим имуществом. Нельзя создавать общий закон ради исключительного уродливого явления, нельзя убивать этим кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его веры в свои силы, надежд на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащению для того, чтобы слабые разделены с ним его нищету... Но главное, что необходимо, это — когда мы пишем закон для всей страны — иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых... Правительство, проведя закон 9-го ноября 1906 года, и ставило ставку на разумных и сильных. Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собой более 3 200 000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей, в России большинство. Для уродливых же, исключительных случаев должна применяться и исключительная мера: институт опеки за расточительство. Следующие меры должны быть приняты для того, чтобы земля не ускользнула из рук крестьянского класса: надельная земля не может быть отчуждаема лицу иного сословия, надельная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянском банке, она не может быть продана за долги, она не может быть завещана иначе, как по обычаям, кроме того, ограничивается возможность скупки наделов установлением правила о воспрещении продажи в одни руки, в одном уезде, более шести указанных наделов».

Петр Аркадьевич заявил далее: «И насколько нужен для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях крепкий личный собственик, насколько он является преградой для развития революционного движения, — видно из трудов последнего съезда социалистов-революционеров, бывшего в Лондоне в сентябре настоящего года. Вот то, между прочим, что он постановил: «Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех правительства в этом направлении наносит ущерб делу революции». Петр Аркадьевич заканчивает свою речь следующими словами: «Применением в ней личного труда, личной собственности, приложением к ней всех, всех решительно народных сил, необходимо поднять нашу общинную, нашу слабую, нашу обнищавшую истощенную землю, так как земля — это залог наших сил в будущем, земля — это Россия».

В заседании Государственного совета 15 марта 1910 года, приведя те же доводы в пользу личной собственности, что и в Государственной думе, Столыпин доказал жизненность указа 9-го ноября следующими данными: за три года заявило желание укрепить свои участки в личную собственность более 1 700 000 домохозяев, т. е. около 17% всех общинников-домохозяев; окончательно укрепили свои участки 1 175 000 домохозяев, т. е. более 11% с 8 780 000 десятин земли, и это кроме целых сельских общин, в которых к подворному владению перешли еще 193 477 домохозяев, владеющих 1 885 814 десятинами. После долгих дебатов Государственный совет принимает поочередно все статьи правительенного законопроекта.

Еще в июне 1909 года Столыпин, вместе с главноуправляющим землеустройством и земледелием, объезжал землестроительные работы Екатеринославской губернии. Там, где еще два года тому назад была открытая степь, теперь сплошь виднелись хутора. Затем были осмотрены работы в Орловской губернии 14-го июня 1910 года. Петр Аркадьевич

издал два циркуляра, имевших целью помочь крестьянскому землеустройству и устранение чересполосицы. Землестроительная комиссия все время оказывала крестьянам помощь в связи с их расселением на надельной земле. Всего за 4 года (1906—1910) комиссия назначила ссуды 157 561 домохозяевам в общей сумме 12 410 032 рубля и выдала на руки в виде безвозвратных пособий (по 1 января 1911 г.) 117 997 домохозяевам 9 230 725 рублей. Кроме того, 35 423 дворам оказано содействие в постройке новых жилищ путем льготного и бесплатного отпуска лесных материалов. Происходила, одним словом, вся эта работа, которая была уже отмечена в высочайшем рескрипте на имя Столыпина от 1-го января 1908 года в следующих выражениях:

«В лице вашем я нашел выдающегося исполнителя моих предначертаний, о чём красноречиво свидетельствуют первостепенной важности законодательные труды по землеустройству и другим вопросам государственного управления, подготовленные Советом Министров под руководством вашим, а равно возрастающее доверие населения к правительству, особенно наглядно проявившееся при выборах в третью Государственную думу, и многие отрадные признаки несомненного успокоения страны».

Забота о городах

20-го февраля 1910 года П. А. Столыпин давал разъяснения в Государственном совете насчет законопроекта о взимании сбора с грузов в пользу городов. Он указал, что этими сборами города воспользуются для сооружения определенных дорог. Период сбора будет кратковременным, и обложен сбором будет тот груз, который впоследствии воспользуется подлежащими сооружению дорогами. Петр Аркадьевич отметил, что Россия страдает от еще одной лишней стихии — бездорожья. Станции бывают часто совсем отрезанными от селитебных пунктов. Это бедствие чревато большими убытками особенно для городов: из 488 станций, обслуживающих одноименные с ними города, 238 станций лежит вне селитебной их части, а большинство станций — на уездной территории. У самих же городов нет средств, чтобы подвезти к этим станциям подъездные пути, и с них нельзя требовать таковых средств (138 статья Городового положения). Самым же справедливым является внимание попудного сбора с товара, подлежащего провозу. Для товароотправителя и потребителя подобный сбор не может быть обременительным, будучи в соответствии со стоимостью товара, а является, наоборот, более выгодным ввиду его кратковременности, чем поздний сбор на уже сооруженные пути. Настаивая на проведении этой меры, в заседании 24 февраля, и доказывая предпочтительность проведения ее в порядке административном, т. е. в редакции, принятой Государственной думой, Петр Аркадьевич заявил: «Надо просто использовать нашу высшую административную власть для того, чтобы начать, по крайней мере, первоначальную скромную борьбу с громадным нашим злом — бездорожьем». Государственный совет и принял законопроект именно в этой редакции.

В ноябре 1909 года Петр Аркадьевич внес в Государственную думу законопроект о сооружении канализации и переустройстве водоснабжения в Петербурге. Согласно этому проекту вышеозначенная мера должна была производиться непосредственным распоряжением правительства, при наличии комиссии и техническо-хозяйственного комитета с достаточно широко в нем представленным общественным элементом. Общие проекты должны были быть составлены не позже трех лет, а проектировавшиеся сооружения должны были быть окончены в 15-летний срок со дня утверждения законопроекта. По истечении этого срока предприятия должны были быть переданы городу, что же касается финансовой стороны, то было установлено на основании опытов других городов, что

водоснабжение и канализация не только окупаются платой за пользование ими, но нередко приносят более или менее крупный чистый доход. Размер строительного капитала был определен в 100 миллионов рублей. 8-го августа 1910 года Петр Аркадьевич вызвал Петербургского городского голову для выяснения санитарного состояния города и организации мер борьбы с холерной эпидемией. Петр Аркадьевич ознакомился также с мерами, предпринятыми для улучшения воды и по сооружению озонной станции.

19-го января 1911 года Столыпин произнес в Государственной думе речь о канализации Санкт-Петербурга, города, в котором «число смертей уже превышает число рождений, в котором одна треть смертей происходит от заразных болезней... в котором время от времени появляются возвратный тиф, болезнь, давно исчезнувшая на Западе, в котором почва благоприятна для развития всяких бактерий...». Защищая проект правительства и указывая на необходимость правительственного содействия в этом деле ввиду многолетней нерешительности Городской думы, Петр Аркадьевич подчеркнул:

«Я не хочу, не желаю оставаться далее безвольным и бессильным зрителем вымирания низов, хочу наверное знать, что при каких бы то ни было обстоятельствах, при каких бы то ни было условиях, через 10 лет в столице русского царя будет, наконец, чистая вода и мы не будем гнить в своих собственных нечистотах. Я не поверю и никто мне не докажет, что тут необходимо считаться с чувством какой-то деликатности по отношению к городскому управлению, что тут может существовать опасение обидеть людей или оскорбить идеи. Я прошу вас выразить вашу твердую волю, имея в виду не только один Петербург,— нет, это необходимо и по отношению всей России». Далее Петр Аркадьевич сообщил об ужасных условиях городов Поволжья, наводняемых к тому же ежегодно эпидемиями и болезнями из Азии.

«Правительство просит вас довести дело до конца,— заключил Петр Аркадьевич,— просит вас подчеркнуть непреклонность вашего решения, памятуя, конечно, не о самолюбии тех или других деятелей, а о простом бедном рабочем люде, который живет или скорее гибнет в самых невозможных условиях и о котором, под названием пролетариата, здесь принято вспоминать, главным образом, как о козыре в политической игре».

После прений и голосований законопроект принимается.

15-го октября 1909 года Петр Аркадьевич изложил в совете по делам местного хозяйства проект о введении городового положения в городах Царства Польского. Министерство при этом исходило из следующего принципа: «Предоставить этим городам полный объем прав по самоуправлению, которыми обладают города русские, сделать это в форме и в рамках, обычных местному населению, и установить сразу окончательный способ самоуправления, не подлежащий уже дальнейшей эволюции в зависимости от предстоящих изменений городового положения в коренной России». Основывалось министерство при разработке проекта на городовом положении 1892 года. Внесенные в него ограничения заключались в обеспечении политических прав государства и в наделении русских горожан, вне зависимости от воли большинства, правом участия в городском самоуправлении. Петр Аркадьевич заявил далее, что тогда как в западном крае министерство стремится создать земство по окраске русское, то в городах Царства Польского оно ожидает увидеть самоуправление польское, подчиненное лишь русской государственной идеи. Подробности законопроекта заключались: в привлечении в состав городских избирателей не только владельцев недвижимостей, но и квартирнанимателей, каковыми русские наиболее часто являлись в этом крае; в разделении городских избирателей на три курии: русскую, еврейскую и из остальных обывателей (этим путем предполагалось обеспечить участие русских горожан в городском управлении и избежать преобладания в последних еврейского элемента; по проекту предполагалось допустить евреев в городские думы в количестве не более одной пятой всего состава). Компетенцию городов проект точно согласовал с компетенцией городов Центральной России. Особенностью законопроекта являлась

также обязательность русского и государственного языка для делопроизводства и сношений и допущение наряду с русским и польского языка во внутреннем домашнем делопроизводстве.

«Я надеюсь,— закончил Петр Аркадьевич,— что ваши суждения здесь, а затем и применение будущего закона на месте послужат доказательством честного стремления польского населения воспользоваться благами самоуправления, на которое оно имеет право по высоте своей самобытной культуры, но без задней мысли обратить самоуправление в орудие политической борьбы или в средство для достижения политической автономии. Я надеюсь на это тем более, что второй законопроект, который поставлен на очередь Министерством, будет законопроект о введении в губерниях Царства Польского самоуправления земского».